

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В. Т. Рязанов

ПОНИМАНИЕ И ИСТОЛКОВАНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: РОЛЬ ЯЗЫКА

Круг обсуждаемых методологических вопросов в экономической науке обширен, хотя самые острые и продолжительные споры ведутся о том, как экономисты обосновывают свои теории и обеспечивают их проверку для того, чтобы в конечном счете раскрыть природу реального хозяйствования, закономерности его функционирования и перспективы дальнейшего развития¹. Вместе с тем в области экономической методологии возникают и другие, не менее сложные проблемы, касающиеся появления в ней новых и все еще малоосвоенных аспектов. Такой является и проблема *понимания* и *истолкования* экономических текстов, которую следует охарактеризовать как относительно самостоятельную. Можно сказать, что то, как экономисты понимают и истолковывают, должно органично дополнить вопрос о том, как они объясняют.

Экономическая герменевтика: как экономисты понимают и истолковывают

Конечно, «понимание» («истолкование») и «объяснение» («обоснование») — весьма близкие по смыслу и взаимосвязанные категории в познавательной практике, но все же они не тождественны². Их взаимосвязь и даже совпадение особенно заметны, когда речь идет об объекте познания. Чтобы объяснить событие, явление или процесс, экономисту-исследователю необходимо предварительно самому понять, что это такое, и с помощью языка (текста) представить его для последующего применения как полученного знания. Проблема понимания и истолкования в теории познания возникает тогда, когда в качестве объекта анализа берется не само по себе экономическое явление, а его

Виктор Тимофеевич РЯЗАНОВ — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ. Окончил экономический факультет ЛГУ (1972) и аспирантуру (1978). С 1968 г. работает в ЛГУ, с 1972 — на экономическом факультете. В 1989–1994 гг. — декан факультета, с 1995 г. — заведующий кафедрой. Автор более 140 научных работ, в том числе 11 монографий (4 индивидуальных и 7 коллективных: руководитель авторских коллективов, автор, соавтор). Монография «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.» (СПб., 1998) издана при финансовой поддержке РГНФ. Научные интересы: теория экономического развития России, макроэкономические и институциональные проблемы переходной экономики. Избран действительным членом Академии гуманитарных наук и РАЕН. Заслуженный работник высшей школы РФ.

© В. Т. Рязанов, 2008

словесное выражение. При этом надо иметь в виду, что само познание хозяйствования не может существовать вне языковых форм, которые выступают его смысловыми и универсальными средствами.

Выделение текста или высказывания — как одно, так и другое связаны с ролью языка в научном познании — расширяет проблемное поле любой науки. Оно же объясняет причины рождения такой научной дисциплины, как *герменевтика*, призванной не только выработать общие правила и процедуры понимания и истолкования, но и дополнить верификацию выдвигаемых теорий, в частности, через использование понятий «значение» и «смысл», которые скрываются за словесными формами.

Вообще следует отметить, что споры о роли языка в познавательной деятельности ведутся уже давно. Собственно, первая и, может быть, самая трудноразрешимая проблема заключается в объяснении того, как связан язык (слово) с мыслительной деятельностью людей и одновременно с многообразием реально существующего мира. Исторически сложились две альтернативные традиции в ее исследовании. Одна развивает идею о том, что слова, имена, понятия первичны и только через их использование можно раскрыть значение и смысл вещей и явлений³. Другая исходит из того, что прямая связь между словом и вещью (явлением) отсутствует. Это предполагает, что вещи, явления и процессы, существуя сами по себе, содержат в себе необходимые «значения» и «смыслы». Что же касается языка (слова), то его роль вторичная (коммуникативная) и вспомогательная.

Не вдаваясь в детали философского спора, все же подчеркнем, что в современной теории познания произошел резкий крен в область разработки статуса языка (текста) в науке, который получил название «лингвистический поворот». С этим связано и возникновение многочисленных новых направлений в философии познания (эпистемологии). Помимо упомянутой герменевтики, это, к примеру, лингвистическая философия, логическая семантика и т. д. Универсальность используемых ими категорий «понимание» и «истолкование» относится фактически ко всем наукам, а в более широком плане — ко всем явлениям культуры, организованным на основе языка. В полной мере это применимо к экономической науке и прежде всего к ее методологическому разделу, который не должен оставаться в стороне от новых разработок в теории познания. *Экономическая герменевтика* как теория понимания и интерпретации экономических текстов, выступая составной частью общей герменевтической платформы, одновременно может с достаточным основанием претендовать на включение в методологический арсенал теоретической экономики.

Герменевтический контекст в экономической науке особенно важен в ситуации, когда речь идет о том, как происходит диалог между самими экономистами по поводу одних и тех же фактов и процессов хозяйственной жизни, или когда в ходе развернувшейся теоретической дискуссии предстоит определиться с выбором одной из предлагаемых позиций. Хотя научное знание, как правило, создается сугубо творческим действием отдельных ученых, оно не остается в границах только личностного знания. Обладая способностью к передаче другим лицам и к широкому распространению в обществе, полученное знание приобретает качество своего рода общественного блага. Вот почему каждому ученому-исследователю требуется не только сопоставить альтернативные подходы с реальными хозяйственными процессами, но и правильно понять их содержание и аргументацию. В таком процессе понимания на передний план выдвигается проблема научного языка. Она тем более значима, что одной из особенностей, существенным образом осложняющих научный диалог, является различие языков, на которых

говорят представители соперничающих школ в сфере экономики⁴. Такое обстоятельство создает серьезный барьер в сопоставлении теорий и в проверке их истинности.

По сути дела, речь идет о роли языка в экономической науке. Согласно одному из наиболее распространенных подходов, верификация истины происходит путем осуществления аналитико-эмпирической проверки, т. е. на основе обращения к хозяйственной реальности с использованием разнообразных приемов⁵. Но даже в этом случае любое утверждение и его сравнение с альтернативными вариантами, так же как и сами формулировки истины в области экономики и во всех других сферах жизни, всегда имеет свою языковую (семантическую и лингвистическую) форму выражения. Поэтому без понимания и истолкования словесной ткани теории не может считаться полноценной проверка самой выдвинутой идеи.

Креативность языка в процессе понимания и истолкования проявляет себя и с другой стороны, когда встает вопрос о распространении полученных знаний в обществе, в равной степени касаясь их практического применения, обучения и элементарного информирования. Ведь общество и все его группы — не пассивные участники хозяйственных процессов. Для того чтобы общество и хозяйство нормально развивались, политическая элита и социальные группы должны понимать, что происходит, принимать или не принимать те объяснения, которые наука им предлагает. Важность этого аспекта понимания (истолкования) продемонстрировала современная практика реформирования в России и в других постсоциалистических странах. Пренебрежение интересами и ожиданиями большинства населения, дополненное нежеланием толком ему объяснить содержание и цели реформирования, способы их достижения — все это не могло не сказаться на неприятии навязываемого курса реформирования.

Неприятие населением тех или иных социально-хозяйственных решений, безусловно, в первую очередь связано с теми последствиями, которые они несут. Но и язык в этом случае также имеет свое немаловажное значение. Выбираемый экономистами и политиками язык, может быть, и произвольно, но становится символом и характеристикой того курса, который осуществляется. При обращении к современной хозяйственной жизни России и к ее научным и иным объяснениям первое впечатление, которое возникает, — это огромный поток новообразованных терминов, в основном иностранного (англизированного) происхождения. Уместен вопрос: на каком языке в таком случае говорят российские экономисты? Что означает такой «лингвистический поворот» в России и каковы его последствия для науки и практики? Только ли он является отражением новизны в хозяйствовании или за ним скрываются и другие факторы?

Конечно, данная ситуация в сфере экономики отражает общую тенденцию с употреблением русского языка как в повседневной жизни людей, так и во всех сферах жизни российского общества. Отличие хозяйственной сферы в том, что она, возможно, в наибольшей степени стала объектом агрессивного иноязычного вторжения. Защита родного языка в профессиональном плане — это задача в первую очередь специалистов, исследующих и преподающих русский язык. Однако и представители других наук не могут не озаботиться, по сути дела, судьбой языка в своих науках и теми последствиями, которые могут произойти при переходе к создаваемому смешанному «англо-русскому» научному языку. Не говоря уже о том, что сохранение чистоты родного языка — это способ самозащиты общества и всех — без исключения — его групп и слоев. Ведь любая нация начинается с языка, а теряя его, с неизбежностью вступает в фазу угасания национальной идентичности, которая на завершающем этапе заканчивается ее исчезновением или растворением в других этносах.

Таким образом, познавательный потенциал экономической науки, его накопление и особенно реализация зависимы от того, как он понимается экономистами и обществом, что, в свою очередь, побуждает к более внимательному рассмотрению творческой функции языка в этом процессе.

Понимание и его роль в научном познании

Рассмотрим более подробно роль понимания в научном познании. Как уже отмечалось, понимание выступает неотъемлемой стороной (формой) процесса познания. Его можно рассматривать как предваряющую и вспомогательную фазу в создании объяснительного потенциала относительно конкретного хозяйственного явления или процесса. Когда научное обоснование изучаемой проблемы окончательно выработано, можно считать, что понимание в таком случае растворяется и исчезает в самом акте научного объяснения. Как правило, в дальнейшем экономистов уже мало интересует то, как сформировалось понимание той или иной проблемы, их внимание переключается на содержательную сторону обоснования, его достоверность, практичность, прогностичность и т. д. Казалось бы, вопрос о понимании в этом случае уходит в область интереса психологии творчества или лингвистики. Однако и для экономистов есть свои резоны обращения к нему, не говоря уже о полезности учета результатов смежных наук.

Какие здесь возникают области интереса для экономистов?

Прежде всего это вопрос о месте понимания в процессе формирования экономического знания. Изначально происхождение проблемы понимания как самостоятельной связано с разработкой концепции так называемой «*понимающей методологии*» в научном познании общественных явлений. Она активно разрабатывалась с конца XIX в. в трудах немецких философов и социологов неокантианской школы. Ее приверженцами были, в частности, М. Вебер, Г. Зиммель и др. Считается, что возникновение данного подхода опиралось на существующие различия в немецком языке терминов «объяснение» (*Erklaren*) и «понимание» (*Verstehen*). Важнее то, как это различие в языковой форме привело к существенному уточнению методологии изучения общества и его хозяйства. Сторонники этой школы обосновывали, что обществоведение, имея дело с социальной деятельностью людей, их поведением, достоверные знания может получать «не извне» при помощи наблюдений и экспериментов, как это происходит в естествознании, а только «изнутри», фактически ставя себя на место действующих лиц. Ведь «понимание» поведения других индивидов при всей его сложности экономисту-исследователю все же доступно, чего не скажешь о возможности «понимания» поведения, к примеру, атома⁶. Такая трактовка природы знания о жизни обществ позволила выдвинуть гипотезу о понимающей методологии и, соответственно, трактовать любую науку о разных ее сторонах как «понимающей науки».

Возможность применения интроспекции (самонаблюдения) вместо опыта и эксперимента, присущая обществоведению, так же как и большее значение интуиции, действительно отличает его от наук о природе. Поэтому экономический анализ не может ограничиться исключительно выявлением причинно-следственных связей и поиском экономических законов, действующих объективно и независимо от сознания людей, но должен и учитывать особенности социальной деятельности людей, их ценностные ориентации, мотивы, интересы и т. д.

Разграничение природы знания в гуманитарной и естественной сферах проведено уже с давних времен, тем не менее дискуссии по поводу целесообразности использования единой предписывающей методологии (методологического монизма), выработанной

на примере изучения природных процессов, не прекращаются. Не вдаваясь в обсуждение этой долгоиграющей темы, ограничимся двумя тезисами, которые полезны для продолжения обсуждения поставленных вопросов в статье.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что экономическая наука фактически с момента ее окончательного утверждения и особенно на протяжении всего XX в. развивалась при доминирующем влиянии идеи «методологического монизма». Этим был сделан выбор наук о природе (в первую очередь, физики и математики) в качестве эталона для подражания как в содержательном, так и в методологическом плане. Экономическая теория в своей истории продемонстрировала немало примеров, когда она воспринимала разного рода новации из эталонных наук применительно к хозяйственной жизни. Так, хорошо известно, что классическая политическая экономия в лице А. Смита использовала идеи ньютоновской физики в сфере экономики. Или принцип методологического индивидуализма можно соотнести с доминирующей в свое время идеей о неделимости атома в физической картине мира. Что касается маржиналистской революции, то она опиралась в трудах А. Курно и Г. Госсена на аналогию полезности с энергией, а предельной полезности — с силой энергии, а это давало возможность применить в экономической теории методы дифференциального и интегрального вычисления⁷.

Предписывающие методологические принципы в экономической науке нашли реализацию в виде опоры на хозяйственную практику и рациональность хозяйствующих субъектов, строгость и доказательность в аргументации, примат объективного содержания в хозяйственной деятельности и обоснование действия экономических законов (принципов) наподобие законов природы и т. п. — все то, что позволило молодой науке добиться немалых достижений в познании экономической жизни, выработав свой научный стиль и создав определенный потенциал для практических рекомендаций. Не случайно экономическая наука со временем стала рассматриваться почти как эталон для других наук об обществе, а сама она со своими разработанными методами устремилась на территорию других общественных наук.

Даже не развивая и другие возможные аргументы о полезности ориентации в экономической науке на естественно-научную методологию, можно заключить, что такой опыт оказался в принципе продуктивным и вряд ли целесообразно от него вообще отказываться. Так, одним из таких новейших направлений развития экономической методологии в русле действия общих предписывающих исследовательских правил стала разработка «экспериментальной экономики», которая использует лабораторные эксперименты (!) не только в эмпирическом экономическом анализе, но и для верификации теоретических положений (!)⁸. Хотя попутно заметим, что в экономической теории приводятся серьезные аргументы, отвергающие вообще возможность «лабораторных экспериментов» в экономике, в частности, из-за отсутствия в ней постоянных зависимостей⁹.

Во-вторых, развитие экономической науки в русле реализации единой предписывающей методологии не могло не подойти к точке исчерпания всего того преимущественно позитивного, что в ней содержалось. Она окончательно обозначилась, когда в своей устремленности к подражательности естественным наукам подошла к предельному уровню формализации. Добиваясь формализованной (модельной) строгости, экономическая наука пожертвовала реалистичностью и практической пользой, что не могло не сказаться на снижении качества научных идей и их объяснительного потенциала. Это стало зримым признаком наступившего кризиса науки.

Нарастающая исчерпанность сложившейся экономической методологии, прежде всего представленной в ее неоклассической парадигме, подкрепляется общим кризисом

классического наукознания и позитивистской методологии как его стержня. В настоящее время в естественно-научной сфере происходят революционные перемены, связанные, в частности, с разворачиванием нелинейной методологии, которая по-новому рассматривает процесс развития, дает иную трактовку соотношения закономерного и случайного и т. п. Характерно, что произошедшие серьезные изменения в XX в. в физике и других науках о природе, которые являются эталонными, практически остаются вне внимания экономистов. «Создается впечатление, — делают вывод Р. Р. Нельсон и С. Дж. Уинтер, — что экономическая наука, по существу, так и не выросла из детства, протекавшего в эпоху, когда ньютоновская физика была единственной наукой, достойной подражания, а небесная механика — наиболее примечательным достижением этой науки»¹⁰.

Экономическая наука в своем развитии должна была, в принципе, реагировать на новые тенденции в естественно-научном комплексе, если исходить из действительности методологического монизма. Но здесь возникают весьма серьезные ограничения. Как квантовую физику и теорию относительности применить в качестве образца для экономиста? Не исключено, что физика в своем развитии, например, подошла к такому уровню сложности, когда она не может выступать в роли традиционного эталона уже в силу ее недоступности для полноценного понимания экономистами¹¹.

Последнее обстоятельство только усиливает потребность в определенной переориентации в методологической сфере экономической науки. Как представляется, не отказываясь вообще от идеи использования общей предписывающей методологии там, где это оправданно¹², все же следует принять во внимание вызревание достаточных предпосылок для разработки собственной ее базы и выхода из тупика методологического монизма. В этом случае экономическая наука должна вернуться к своим изначальным истокам, когда она относилась к разряду морально-этических наук. Переход от натурцентризма в пользу антропоцентризма (культурицентризма, социоцентризма) дает возможность сделать человека во всем многообразии его качеств и хозяйствующим субъектом, и одновременно объектом экономического анализа¹³. При таком развороте эталонная роль для экономистов сдвигается от физики и математики к антропологии как науке о человеке, открывая новое пространство для ее развития¹⁴.

Усиление внимания экономической науки к человеку вполне логично предопределяет соответствующие крупные перемены и в экономической методологии в направлении формирования «качественной методологии», опирающейся на междисциплинарный подход. Такая переориентация в экономических исследованиях не означает вообще отказа от использования количественных параметров и формализованных моделей, которые остаются в арсенале экономистов. Она, скорее, нацелена на более пристальное внимание к новым средствам познания, хорошо освоенным в антропологических исследованиях, таким как включенное наблюдение, анализ экономических институтов и хозяйственных инструментов (своеобразных артефактов), герменевтическое исследование экономических текстов и т. д.¹⁵

При этом не только правила и набор исследовательских инструментов, но и роль «человеческого фактора» в самой науке становятся для «качественной методологии» важными. Как и почему рождаются те или иные научные идеи, каков их исторический и социально-экономический контекст, что собой представляют мировоззренческие и идеологические мотивы экономистов, какова роль языка и метафор в понимании теорий и т. д.? Таков примерный круг вопросов, который возникает при использовании «понимающей методологии» в экономической науке и который углубляет процесс познания самой экономики и экономического знания.

Проблема истолкования в экономической науке

Понимание, выступая стороной научного познания, одновременно предполагает дополняющую характеристику в виде «истолкования» (или «интерпретации») ¹⁶. В некоторых случаях понимание и истолкование крайне сложно разграничить. К примеру, когда речь идет о саморефлексии, в процессе которой понимание проблемы и ее авторская интерпретация представляют собой единое целое с точки зрения последующего обоснования, осуществляемого при помощи языковых конструкций (текста или высказывания). Хотя и здесь между появлением научной идеи и ее истолкованием вполне могут присутствовать разрывы, тем более, когда такому авторскому пониманию предшествует предварительное выдвижение гипотезы.

Более определенно выделение истолкования в качестве завершающей фазы процесса понимания относится к чужому тексту или высказыванию. Из этого можно сделать такой вывод: полноценное понимание выдвинутой научной идеи должно подкрепляться способностью интерпретирующего к собственному ее истолкованию. Этим фиксируется его открытость и творческая природа, которые выражаются в множественности и диалогичности интерпретации одного и того же текста, объясняющего какое-то хозяйственное явление. Такие его характеристики, важные для общей оценки герменевтического подхода, подтверждают давно сложившееся представление об относительности и неокончателности научного познания хозяйственной жизни и трудности в проверке его истинности. В своей предельной форме они рождают сомнения и скептицизм в познавательные возможности человека ¹⁷. Вместе с тем сдерживающую роль скептицизма в познании если и нельзя преодолеть полностью, то можно хотя бы уменьшить благодаря использованию множественности интерпретаций смысла и значения, содержащихся в тексте. Эта множественность побуждает и стимулирует исследователя постоянно включаться в творческий диалог ¹⁸. Ведь выйти из тупика скептицизма можно, если непрерывно поддерживать потенциал творческой активности, одна из сторон которой направлена на перепроверку истины полученного знания.

Если обратиться к процедуре истолкования теоретической позиции, выраженной в соответствующем тексте, то в ней отображается решение различных по значимости задач. Это — освоение и приспособление интерпретируемого знания к отличающимся условиям хозяйствования или к новому этапу в развитии экономики, его распространение в образовательных и просветительских целях, развитие и углубление за счет открытия новых вариантов смысла и значения, содержащихся в нем, поиск новых областей применения. При этом нельзя исключить, что переосмысление кем-то выработанной теоретической позиции может стимулировать отход от первоначальных выводов или включение ее в качестве частного случая в другое, возможно более общее теоретическое обоснование.

Следует отметить, что в исследовательской практике экономиста ее интерпретационная сторона преобладает. Самым ярким примером является историко-экономическое направление, которое в исследовательской сфере реализуется в виде герменевтического анализа теоретических концепций, их сопоставления и развития ¹⁹. Но и в процессе обучения через познание истории экономической мысли и в ходе последующего становления экономиста-теоретика для него в первую очередь важны научные тексты. Многообразие экономических теорий и масштабность накопленного теоретического материала, который должен быть им освоен для занятия наукой, таковы, что просто не оставляют времени для изучения реальной хозяйственной жизни. К тому же развитие экономической науки по пути аналитического усложнения, перенасыщенного математическим аппаратом, ориентирует профессиональную деятельность экономиста-теоретика

в основном на изучение и интерпретацию сформировавшегося массива экономических знаний. Это превращает его в своеобразного «толкователя» экономических текстов, к тому же очень часто имеющего весьма приблизительное и книжное знание о настоящей экономике.

Отсюда и специфика возникновения новых идей в области экономики. Чаще всего они появляются не от более глубокого и тщательного освоения хозяйственной жизни, а от очередного переосмысления уже существующего научного знания. Ранее на такую особенность указывал А. Маршалл, который по этому поводу сделал такой вывод: «Новые доктрины лишь дополняют старые, иногда исправляют их, по-новому расставляя акценты, но очень редко ниспровергают их»²⁰. В настоящее время положение в экономической теории мало изменилось. К примеру, в оценке современной ситуации М. Блауг использует похожие слова: «... экономисты скорее подтверждают, нежели опровергают»²¹.

Примеров, иллюстрирующих такое положение в экономической науке, можно привести немало. Так, даже Дж. М. Кейнс, создавая отличную от неоклассиков концепцию, тем не менее опирался на переосмысление наследия меркантилистов. П. Сраффа, устранив недостатки в формулировках представителей классической школы, можно сказать, повторно открыл теорию стоимости и прибавочного продукта и т. д.

Возможно, положительным моментом такого характера приращения научного знания в сфере экономики является постепенное формирование предпосылок создания единой системы теоретической экономики, как это происходило в теоретической физике, во всяком случае, он реализует преемственность в развитии исторически сложившихся научных школ.

Если обратиться к истории экономической науки в России, то следует отметить, что само ее возникновение и последующее развитие в одном из ее направлений, связанном с освоением западной экономической мысли, может рассматриваться как яркий образец масштабного использования интерпретационной практики. Одна за другой рожденные на Западе экономические школы — классическая и неоклассическая, марксистская и институциональная и т. д. — находят своих примерных последователей и, в лучшем случае, интерпретаторов. Причем очень часто речь идет о варианте истолкования, напрямую связанном с работой по переводу или пересказу иноязычных текстов.

Приведенные примеры интерпретационной практики в сфере экономического знания свидетельствуют о том, что идеальная модель истолкования как способа обеспечения творческого освоения научного наследия за счет поддержания диалога, плюрализма теоретических позиций и особого внимания к отработке текста нередко дает сбой. Они возникают вследствие усиления дистанции между теорией и хозяйственной жизнью, которая все больше похожа на непреодолимую пропасть между ними. Это приводит к тому, что теория замыкается в себе, не выходя за пределы анализов текстов и высказываний. Такая линия в развитии экономической науки дает веские основания для ее переквалификации в контексте экономики постмодерна в «риторику» (Д. Мак-Клоски, А. Кламер и др.)²². В этом качестве в ней начинает доминировать способность убеждать, которая опирается на повышенное внимание к культуре готового слова²³.

Риторическая, а еще более точно — схоластическая тенденция, возникающая в случае замыкания теории на языковых конструкциях в отрыве от реальной хозяйственной жизни, хорошо иллюстрируется недавним опытом марксистской версии герменевтической практики, процветавшей в советской политической экономике²⁴. Ее развитие наглядным образом демонстрирует потенциальные изъяны сугубо лингвистического подхода к экономическому знанию, как и к любому другому.

Прежде всего отметим, что марксистское наследие фактически трактовалось по аналогии со Священным писанием, которое не подлежит ревизии и только может истолковываться в целях обнаружения не выявленного ранее какого-то значения или интерпретироваться с учетом возникших новых обстоятельств. Похожесть трактовки статусов предопределила заимствование в интерпретационной процедуре и технике с опорой на изучение соответствующих текстов. Сохранить приверженность первотексту (Библии)²⁵, но и одновременно сделать его объектом непрекращающегося истолкования, которое поддерживает веру в содержащиеся в нем Божественные откровения и согласовывает их с изменяющимися условиями жизни, — все это дает пример классического варианта использования герменевтической практики. В соответствии с этим текст Священного писания обрастал комментариями, постановлениями Соборов, посланиями иерархов и каноническими толкованиями.

Для советской версии марксистской политэкономии было характерно такое же использование отработанных приемов и техники истолкования, которое сложилось в теологии, но применительно к области рационального знания. Поддерживался статус непогрешимости теории марксизма, что на самом деле изначально противоречит природе научного знания. Тем не менее истолкование текстов допускало возможность развития науки в изменившихся условиях. Отсюда в качестве интерпретируемой проблемы выдвигалось соотношение марксизма с ленинизмом (троцкизмом, маоизмом и т. п.). Это могло трактоваться как развитие марксизма или как его ревизия. Или еще пример, связанный со спорами вокруг наследия «раннего» и «позднего» Маркса. Другим предметом истолкования можно назвать дискуссию о противоречии между первым и третьим томами «Капитала» Маркса и т. д.

Опасность превращения работы с текстами в самодостаточный познавательный процесс имеет еще одно малопривлекательное проявление. Дело в том, что в этих условиях не только экономическая наука отрывается от реальной жизни, но практика хозяйствования перестает искать в науке опору для принятия управленческих решений, разработки стратегий развития и т. п. Такая ситуация характерна не только для плановой экономики прошлого, но и в меньшей степени относится к рыночной системе хозяйства. Предприниматели и управленцы, даже если они когда-то и изучали экономическую теорию (микро- и макроэкономику), оказавшись в реальном хозяйственном пространстве, напроочь ее забывают как бесполезную для практики.

Таким образом, при всей важности для экономической теории текстов для ее понимания и истолкования их изучение не должно превратиться в самоцель. Экономическая наука особенно чувствительна к практическому применению, и данное обстоятельство не может не учитываться на всех этапах познавательной деятельности.

Практический язык экономической науки: истина, смысл, значение

Чтобы не превратить окончательно экономическую теорию в схоластические упражнения по бесконечному истолкованию текстов, попадая в порочный круг интерпретаций, требуется преодолеть разрыв между теми сторонами науки, которые характеризуют ее как языковую универсальность и как практическое предназначение. С терминологической точки зрения это означает, что понимание и истолкование экономических текстов не должно отрываться от обоснования (объяснения) самих хозяйственных процессов²⁶.

С содержательной стороны проблема понимания и истолкования в экономической науке, которая не может не иметь прямого отношения к анализу роли языка (текста или высказывания), тем не менее должна рассматриваться в контексте приоритетности достоверности

и точности отображения хозяйственной жизни во всех формах ее проявления в сравнении с риторическими приемами. Это связано с ее спецификой. В отличие от философских текстов, которые в значительной мере имеют отвлеченный характер и относятся к сложным вопросам человеческого бытия и познания, экономическая наука более приземлена и ориентирована на практические дела. Поэтому она, опираясь на философско-герменевтические разработки, касающиеся процедур истолкования текстов, должна их использовать так, чтобы в конечном счете обеспечить объективное обоснование происходящих хозяйственных явлений и процессов с возможностью его практической реализации. В известном смысле можно утверждать, что речь в данном случае идет о роли *практического языка*, на который следует ориентироваться в герменевтическом анализе применительно к экономике. Практическая сторона языка фиксирует то обстоятельство, что он, будучи частью национальной культуры и мыслительной деятельности, выступает в качестве первичного средства непосредственного восприятия социально-хозяйственной реальности.

Практичность языка особенно важна при реализации коммуникативной его функции, принимая во внимание, что он в познавательной деятельности выступает «не во всем многообразии его признаков и функций в жизни людей, а лишь в качестве знакового аппарата познания реальности людьми и средства фиксирования и сохранения результатов познания»²⁷. Этим не отвергается то обстоятельство, что успешность процесса познания зависит не только от способности мышления адекватно отобразить изучаемый объект, но и от его должного словесного выражения. Во втором случае оно должно руководствоваться правилами логики, избегая внутренних противоречий (парадоксов) за счет строгости и точности в построении лингвистических конструкций.

Что касается проверки истинности теоретического обоснования, то с учетом роли языка ее можно представить в два этапа. На первом (основном) она обеспечивается через обращение к хозяйственной практике, на втором (вспомогательном) — через осмысление предложенного текста (словесного варианта), имея в виду, что все онтологические хозяйственные явления суть экспликации языковых выражений, аналоги которых присутствуют в обыденной речи или в метафорах из других наук.

Тем самым научное познание в экономике образно можно представить как движение по двум маршрутам. При укороченном (первом) его варианте характер и возможности отображения хозяйственного бытия автоматически определяются мыслительной деятельностью ученых и их конкретной способностью проникнуть в суть происходящего. В этом случае от лингвистического фактора можно абстрагироваться, а истина выдвигаемых положений подтверждается обратным обращением к хозяйственной практике.

Выбор второго маршрута предполагает более длительный, двухэтапный процесс познания. При помощи мыслительной деятельности обеспечивается исследование хозяйственной реальности, а затем наступает этап упорядочивания наблюдаемых фактов, их систематизация, формулирование гипотез и окончательных выводов, который предопределяет вступление в сферу языковых феноменов²⁸.

Казалось бы, и в случае с познавательной деятельностью более короткий путь предпочтительней, поскольку сокращает расстояние до истинного знания. Но так бывает не всегда. Надежнее вариант более длительного двухэтапного процесса познания. В рационально представляемом мире, а хозяйство по преимуществу и является таковым, истина и ложность — это свойства все же познавательной практики, проявляющиеся в создаваемых научных знаниях, а они, в свою очередь, предстают в тексте и высказывании. Сам по себе материальный мир, выступая носителем истины или ложности, не может их включать в себя²⁹.

Выделим еще один аспект истинного знания, который возникает в процессе понимания. Понимание в совокупности всех своих составляющих может рассматриваться как дополнительный способ тестирования теории на истинность, особенно если иметь в виду такое ее проявление, как «польза для практического применения»³⁰. С этим связана и возможность использования в оценке предлагаемых теоретических обоснований хозяйственных процессов, наряду с традиционной оппозицией «истинность–ложность», таких оценочных характеристик, как «непонятность», «неопределенность», «недоказанность» и т. д. Если теоретическое утверждение оказывается непонятым из-за чрезмерной усложненности текста или нечеткой аргументации, то какие могут быть основания для суждения об его истинности, не говоря уже о пользе для практического применения?

Помимо безусловной ориентации познавательной деятельности в сфере экономики на изучение хозяйственной практики, нельзя недооценивать и существующую возможность в самой языковой деятельности повысить ее эффективность, обеспечивая тем самым привязку к реальным экономическим проблемам. В этих целях в понимании и истолковании экономических текстов на передний план выдвигаются такие понятия, как «значение» и «смысл» используемых в научных объяснениях языковых конструкций³¹. Учтем, что основные расхождения в интерпретационной практике приходятся на различие в их трактовках. В качестве иллюстрации приведем два примера.

Так, для характеристики генезиса капиталистической экономики важным фактом становится появление устойчивой группы людей, в руках которых концентрируются деньги, применяемые уже не только для расточительного личного потребления; одновременно с этим обычно происходит массовое разорение мелких производителей и т. п. Что собой представляют его значение и смысл? Те, кто это объективное явление рассматривает как значимое и смыслообразующее в понимании происхождения капитализма, обозначают его «первоначальным накоплением капитала». Те же, кто не согласен с такой трактовкой, будут пытаться обнаружить другие основания в генезисе капитализма через поиск соответствующих фактов и процессов, происходящих в хозяйственной жизни.

Другой пример, касающийся истории спора о роли свободной торговли. Очень часто она подменяется абстрактными рассуждениями о якобы бесспорных преимуществах свободы торговли перед протекционизмом. Однако в действительности такое утверждение, как и обратное, доказать невозможно, хотя бы из-за того, что оно просто достоверно непроверяемо на практике. Любая страна, выбрав в какой-то период один из двух альтернативных решений в области торговли, вернуться назад и пройти по второму пути не может. Так в чем же тогда смысл и значение свободной торговли? Очевидно, не в том, что такой режим сам по себе является лучшим. Один из возможных ответов заключается в том, что он способен создать более благоприятные условия для расширения предложения товаров в рыночной экономике.

Как один, так и другой пример показывают, что акцентирование внимания в анализе экономического текста на его смысле и значении побуждает исследователя обращаться к реальной хозяйственной практике, находя в ней соответствующие подтверждения.

Тем самым выявление значений и смысла, содержащихся в тексте, следует рассматривать в качестве основной цели герменевтического анализа. В процессе познания хозяйственной деятельности понимание–истолкование предшествует объяснению и последующему применению полученного знания, т. е. его распространению в обществе в разных целях — для практической реализации в хозяйственной деятельности, для обучения и просветительства и т. п. Его можно условно разделить на три этапа:

– *терминологический* — подбор из существующих (заимствованных или изобретенных) терминов (суждений) таких, которые пригодны для первичного описания исследуемой стороны экономической реальности;

– *установочный* — установление значений, которые присутствуют (скрываются) в предложенных терминах (высказываниях);

– *смыслообразующий* — обнаружение смысла, т. е. в конечном счете обеспечение его согласования с истинностью утверждения.

Уже само несоответствие явлений и сущности делает принципиально важным нахождение в процессе теоретического анализа языковых значений и смыслов, которые могут не совпадать с наблюдаемыми событиями, фактами и процессами. Исследуя их, экономическая теория вступает в область смыслообразования, тем более что конкретные хозяйственные факты скрыты в огромном море других фактов и событий. Поэтому их значения и особенно смысл глубоко погружены в экономическую жизнь и очень часто непосредственно себя не проявляют. Этим предопределяется необходимость использования в познавательной практике специальных методов и интуиции. Трудноуловимость, неоднозначность, многосмысленность сущего и многое другое — все это и придает сложность и неокончателюность каждому акту познания, что обуславливает неизбежность постоянного возвращения к объекту изучения, формально отодвигая роль языка на второй план.

Таким образом, в научной картине хозяйственной жизни, как и в любой другой, язык не ограничивается коммуникативной функцией. В ее создании он выполняет *творческую* роль. Хотя в зависимости от состояния экономики и степени ее адекватного отражения наукой она может выдвигаться на передний или уходить на второй план. Но в любом случае языковой феномен должен стать объектом пристального внимания экономистов в не меньшей степени, чем выбор аналитического аппарата и обоснование научных гипотез и итоговых выводов. Такой подход объясняется уже тем, что сама наука выступает не как простое отображение (фотографирование) хозяйственных процессов, а как упорядоченная совокупность научных знаний³².

В идеале экономическая теория, как и любая другая, должна стремиться к точности и однозначности используемых понятий (терминов), убергая теорию от двусмысленности. На них особенно делается акцент, когда предпринимаются попытки создать в экономике «чистые модели», которые поддавались бы обсчету и одновременно стали универсальными. Их конечная неосуществимость объясняется в первую очередь особенностями самого объекта — экономики, который находится в состоянии непрерывного движения и изменения, что предопределяет принципиальную незавершенность любого описания.

К тому же для понимания и истолкования экономических процессов чрезвычайно важен их *контекст* — исторический, социокультурный и т. п. Через его учет в распознавании смысла и значения текста происходит согласование всеобщего с особенным и единичным (уникальным), присущими самой хозяйственной жизни. Этим языковые формы выражения прочнее привязываются к хозяйственной реальности, обеспечивая практичность экономического языка за счет его погруженности в национальную культуру. Одновременно такой характер научного познания еще в большей степени усиливает значение языка. Ведь мыслительный процесс в тех сферах жизни человека, где прямое использование эксперимента и опыта затруднительно или просто невозможно, проявляется в виде творческого употребления языка. Этим подкрепляется ранее сделанное принципиальное заключение о том, что сам язык обладает созидательным статусом,

способен развивать творческое воображение экономистов и помогать им в освоении новых средств интерпретации хозяйственной жизни. Еще более заметной активная роль языка в хозяйственной сфере становится тогда, когда в обществе и в хозяйстве происходят крупные изменения, которые не могут не влиять на его употребление в практической и научной деятельности.

Иноязычность, причины и последствия для российской экономической науки

То, что формирование новой экономики в России рождает потребность в обновлении экономического языка, вытекает из ранее проведенного анализа. И в этом смысле само появление такого его варианта является закономерным и одновременно дополнительным свидетельством созидательного потенциала, который в нем заложен. Но почему он оказался столь перенасыщен иноязычными заимствованиями?

Можно считать, что герменевтическая тема в российской экономической науке имеет дополнительный и особый контекст, связанный с проблемой вытеснения русского языка из научного употребления. Его нельзя не заметить, поскольку масштабность иноязычных заимствований создает специфические трудности в реализации процесса понимания и истолкования русскоязычных научных текстов.

Обратимся к характеристике общей ситуации лингвистического взаимодействия. Кратко сформулируем несколько общих тезисов, которые вполне значимы и для экономики.

Так, доказывается, что иностранные заимствования обогащают язык и выступают результатом активного взаимодействия различных национальных культур и наук, обмена опытом и достижениями в технике и экономике. Тем не менее данный тезис нельзя принимать как абсолютный. В действительности обогащает язык его развитие на собственной основе, а не внедрение чужих слов с совершенно иной структурой. Заимствовать можно, но не путем копирования чужих слов, если они не из родственных языков, а через поиск своих аналогов.

В этой связи уместно вспомнить спор, начавшийся с конца XVIII в., о том, как в русском языке нужно отражать новые явления в науке и технике, экономике и политике, которые шли с Запада, активно проникая в социально-хозяйственную практику. В это время (в частности, А. С. Шишковым) вместо простого копирования иностранных слов и понятий с последующим их внедрением в научную лексику и обиходный язык предлагался поиск аналогов в русском языке, особенно в тех случаях, когда они имелись или их можно было создать на основе используемого материала³³.

Обычно, когда вспоминают об этом споре, в качестве курьеза приводят пример с «мокроступами», которые предлагались в качестве замены уже появившемуся французскому слову «галoши». Однако даже в приведенном примере ясно, что само наличие русского корня в любом новом слове изначально делает его понятным и значимым практически для каждого носителя языка. Причем уже в корневой основе слова можно обнаружить неразрывную связь знака (вещи или явления) с его значением, почувствовать смысл и в первую очередь множественность контекстов, которые за ним могут скрываться³⁴.

Отметим также и то, что в реальной языковой практике можно найти немало удачных примеров в обозначении научных понятий как производных от однокоренных русских слов. Скажем, понятие «промышленность» (от корня «промышлять», т. е. заниматься делом как средством к жизни), хотя оно сосуществует с заимствованным словом «индустрия».

Еще одно утверждение связано с тем, что русский язык настолько могуч, что в состоянии переварить очередное «инострannое нашествие». Конечно, нынешний мощный

англоязычный поток в русскоязычную среду — это не первое такое масштабное вторжение, что только подтверждает, казалось бы, устойчивость русского языка³⁵. Однако и в этом случае надо принимать во внимание одно важное обстоятельство. Известно, что разруха в обществе начинается в головах людей, но ей предшествует подрыв родного языка, а значит, собственной культуры и способности к мыслительной деятельности. Язык по своей сути — наиболее консервативное и защищенное устройство в любой цивилизации. Даже в испорченном варианте он еще может достаточно долгое время функционировать. Но в результате его ослабления наносится разрушительный удар по менее защищенным от внешнего воздействия слоям — культуре, национальным традициям, науке и в конечном счете по самосознанию и менталитету людей, их мыслительной практике. Именно они способны исчезнуть в первую очередь, даже в условиях продолжения существования языка, хотя уже и в «полуживом» состоянии.

Не случайно сегодня не только Россия, но и другие, более благополучные страны (например, Франция, Германия) озабочены проблемой сохранения своих языков и предпринимают серьезные усилия по их защите. Так что наша страна не единственная страдает от нашествия англицизмов³⁶.

Наконец, нередко утверждается, что проникновение иностранных терминов в научный лексикон, так же как и заимствование чужих идей, полезно, дает возможность включиться в мировой научный процесс и использовать накопленный научный опыт в мире. Вместе с тем следует иметь в виду, что в строении слова присутствуют два главных слоя: звуковой (фонемы) и смысловой (семемы, т. е. значения, смыслы)³⁷. Они существуют совместно и нераздельно. Отсюда и способность человека интуитивно понимать значение и смысл просто из самого звука (фонемы). Чем в большей степени научный лексикон опирается на свой национальный язык, тем более термины и категории открываются для понимания во всем многообразии их оттенков и контекстов значений и смыслов описываемых экономических фактов и явлений, и значит, содействуют продуктивному диалогу между учеными и развивают саму науку. Еще более важно, что такая открытость для понимания обеспечивает незатрудненное проникновение научных знаний в общество в интересах практического применения в хозяйствовании и просветительстве.

Таким образом, язык, если рассматривать его как творческий инструмент в познавательной деятельности, требует внимательного отношения к его использованию в создании словесной ткани экономической науки в России. Российский двухвековой опыт преимущественно интерпретационного (переводческого) использования экономических идей, рожденных в отличающейся культурной и языковой среде, вполне убедительно подтверждает наличие в нем серьезных изъянов и негативных последствий. Распространение иностранных терминов методом калькирования в экономической науке России, получившее широкое распространение, выступает наиболее легким способом перевода. Передача произношения или написания иностранного слова средствами другого языка не требует никаких творческих усилий, что ограничивает активную роль языка в познавательной практике и вредно для развития научных идей. Это означает, что привычка заимствовать чужие понятия и термины не столь безобидна. Лениность в словах рождает лень в умах.

Причем стоит заметить, что для российских экономистов, как и для представителей других наук, стало модным рассматривать использование иностранных терминов как признак высокой научности, превращающей их в тексты только для посвященных.

Одно из возможных негативных последствий копирования чужих терминов и понятий, хотя и не самое значительное, заключается в трудности обеспечения точности их

перевода на русский язык. От нее же во многом зависит адекватность понимания экономических идей, представленных в соответствующих текстах, и их последующего истолкования и применения. Оттенки мысли чрезвычайно трудно бывает изложить на другом языке. Не случайно, что разные переводы одного и того же текста разными переводчиками почти никогда не бывают совпадающими.

В этой связи нелишне будет вспомнить примечательную историю перевода на русский язык понятия «*Wert*» в «Капитале» К. Маркса. Отметим, что она началась задолго до революции (1917 г.) в России, имея не столько лингвистический, сколько содержательный смысл в толковании этого понятия, важном для уяснения истинного замысла самого произведения. Напомним, что первоначально данное понятие было переведено Н. Даниельсоном как «стоимость» (к 1896 г. вышло три издания с этим переводом «Капитала»). Однако затем в переводе П. Струве в 1898 г. был предложен другой вариант — «ценность». Не вдаваясь в детали спора о точности этого перевода, подчеркнем, что на данном примере видно, как разные его варианты, казалось бы, всего лишь одного термина в состоянии развернуть содержательные (смысловые) координаты всей теоретической конструкции. И таких примеров существует огромное множество.

Заметим, что обеспечение адекватности перевода рядом авторитетных представителей лингвистической философии трактуется как неразрешимая проблема³⁸. Неопределенность перевода из-за креативного статуса языка, дополненная характерным для каждого языка социокультурным контекстом и национальным самосознанием, — все это не просто усложняет переводимость экономических теорий, но и нередко ведет к искажению их подлинного смысла. Более того, в литературе выдвинута гипотеза об определенной предрасположенности или неприятии конкретных языков теми или иными науками (теориями)³⁹. Ведь язык — это не просто словарный запас и правила его использования, но и особый способ, благодаря которому слова и выражения приобретают свое значение и смысл.

Вместе с тем проблема точности перевода иноязычных экономических текстов — это далеко еще не самая серьезная угроза для развития науки в России. Затянувшийся период ученичества российской экономической науки, как и в целом общественности, одним из своих истоков имеет используемый метод копирования иноязычных понятий, который вполне закономерно оборачивается таким же по характеру заимствованием чужих идей и теорий. Для сравнения отметим, что в мире накоплен поучительный опыт принципиального отказа от практики иноязычных заимствований, вместо которых обеспечивается перевод новых понятий на родной язык через поиск своих аналогов. В Европе этим особенно отличается исландский язык. Даже в настоящее время в немецком языке для половины заимствованных из английских терминов находятся свои немецкие синонимы. В русском же языке заимствование английских терминов в науке и технике достигает 90%.

Еще более уникален опыт Китая, который на протяжении 5000 лет непрерывной истории сохраняет надежную защиту своего языка, отвергая метод калькирования иностранных слов. При этом стоит специально подчеркнуть, что непрерывность и устойчивость китайской цивилизации на протяжении столь длительного периода времени, так же как и возможность ее дальнейшего развития на собственной (самобытной) основе, наверное, в немалой степени обеспечивались непроницаемостью своего языка.

Как видим, контрастом китайскому опыту выступает пример России. Превратив русский язык в открытый для проникновения чужеземных слов, принципиально отличных по своему строению, мы тем самым фактически открыли простор для внедрения

масштабных заимствований, действующих разрушительно и в отношении экономической науки, и собственного цивилизационного устройства.

Для судьбы экономической науки в России, вполне возможно, таким рубежным событием стало само обозначение хозяйственной деятельности и науки, которая призвана была ее изучать. Напомним, что первоначально в этих целях использовалось понятие «домоустройство», или «домострой», которое определяло, согласно словарю В. Даля, «заботу о добром порядке всего домашнего обихода». Характерно и то, что одно из первых русских наставлений о хозяйствовании, появившееся в XVII в., носило название «Домострой». Такое название точно соответствовало исходному смыслу понятия «экономика» как *домоведение*, введенное Ксенофонтом в IV в. до н. э. И только в более позднее время в русский язык внедряется термин из греческого языка «экономика», ставший затем общепринятым, с производными от него понятиями «экономика» и «экономический» для обозначения содержания хозяйственных процессов и самой науки⁴⁰.

Использование термина «домостроительство» в качестве идеи и словесного образа зарождающегося его русского варианта прежде всего было ориентировано на самобытные начала, в основе которых лежали духовность и нестяжательство в хозяйствовании⁴¹. Одновременно национальный язык мог стать отправной точкой и опорой в развертывании и укреплении собственных представлений о хозяйстве в стране, что давало шанс для их творческого оформления в виде такой же самобытной системы научных знаний. Любая национальная экономика наиболее точно воспроизводится и описывается терминами и понятиями, рожденными в своей культурно-языковой среде. В свою очередь, язык помогает реализовать творческий потенциал национального самосознания и мыслительной практики народа.

Вообще следует отметить, что роль языка как в сохранении, так и в разрушении исторически сформировавшихся цивилизаций велика. Характерно, что волны иноязычных заимствований в России практически совпадали с волнами реформ, нацеленных на очередные попытки цивилизационного слома. Дело в том, что такого рода изменения в языке выступают своего рода аналогом мутации, при которой происходит смена наследственного вещества и рождается иной ген. В языке близким по последствиям становится изменение его фонетической структуры, которое открывает простор для перекодирования этноса. Первый его результат — это формирование комплекса неполноценности, возникающего в том числе из-за забвения своего языка и его замещения языком более дееспособной нации.

В этой связи уместен такой вопрос: нынешнее исторически промежуточное состояние страны, определяемое, с одной стороны, утратой огромного массива культурного наследия и традиций, которое ставит вопрос о возможности обеспечить гармоничное развитие в будущем на собственной основе, с другой — незавершенностью «цивилизационной перековки», которое не позволяет в действительности перейти на иную траекторию развития, — разве все это не имеет свои корни в сфере языковой практики?

Встать прочно на свои цивилизационные основания в социально-культурной и хозяйственной сферах, игнорируя важную роль языка, невозможно. Конечно, сегодня трудно в полной мере обеспечить восстановление его утраченного творческого потенциала, учитывая огромную силу инерции и непонимания. Тем не менее поставить задачу и последовательно решать ее, добиваясь хотя бы не усугубления ситуации с ослаблением русского языка, при соответствующей нацеленности можно. Для начала требуется в каждом новом хозяйственном и научном явлении находить свой конкурентоспособный и краткий термин, который бы конкурировал с иноязычным и выступал дополняющим, а впоследствии, по мере возможности, и замещающим понятием. Иначе говоря,

экономисты России, как и представители других общественных наук, должны по настоящему вернуть русскому языку полноценный творческий статус, без которого трудно рассчитывать на самостоятельность самой научной мысли.

Возрождение российской экономической мысли как развивающегося и творческого сегмента мировой науки может найти еще одну опору. Она связана с выбором в качестве приоритетного объекта не абстрактной экономики или экономики других стран, а российского хозяйства. Оно отличается своеобразием социально-хозяйственной среды, традиций и менталитета людей, которое предопределяет специфику научного знания о нем, имеет свои естественные национально-языковые обозначения. Отечественная экономика наиболее точно воспроизводится и описывается русскоязычными терминами и понятиями. Отдавая предпочтение изучению экономики России, ее устройству и особенностям развития и используя для этого в полной мере созидательные возможности русского языка, можно соединить экономическую герменевтику с содержательностью и практичностью самой экономической науки, а значит, обеспечить простор для реализации ее самостоятельного и творческого начала в современной России.

¹ Не случайно, что в одной из наиболее известных работ на русском языке, автором которой является М. Блауг, с характерным подзаголовком «Как экономисты объясняют», предлагается экономическую методологию определять как «ветвь экономической науки, где мы рассматриваем способы, которыми экономисты обосновывают свои теории, и приводимые ими причины, по которым они предпочитают одну теорию другой» (*Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют*. М., 2004. С. 18).

² Взаимосвязь понимания и объяснения П. Рикёр трактует следующим образом: «...понимание предполагает объяснение в той мере, в которой объяснение развивает понимание» (*Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика*. М., 1995. С. 8).

³ Примечательно такое утверждение одного из представителей школы герменевтики Х.-Г. Гадамера: «Бытие, которое может быть понято, есть язык» (*Гадамер Х.-Г. Истина и метод*. М., 1988. С. 548).

⁴ Я. В. Соколов пишет: «Разный язык способствует тому, что один и тот же объект может называться неодинаково, а это с неизбежностью приводит к возникновению различных семантических полей» (*Соколов Я. В. Скептицизм как метод экономической науки // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика*. 2008. Вып. 1. С. 18).

⁵ О проблеме верификации в экономической науке подробнее см.: *Рязанов В. Т. Проблема верификации в экономической теории // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика*. 2004. Вып. 4.

⁶ «Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, — подчеркивал М. Вебер, — которые могут быть *понятно* истолкованы» (*Вебер М. Избранные произведения*. М., 1990. С. 495).

⁷ Приведенные примеры дают основание поставить вопрос о возможности соотнесения (может быть, даже симметрии) научной картины окружающего природного мира и ее отражения в экономической и других социальных науках.

⁸ См.: *Смит В. Экспериментальная экономика*. М., 2008. Как пишет Т. Сэндлер, «в условиях экспериментальной экономики лабораторным путем обнаруживаются аномалии в поведении объектов, и эти результаты затем включаются в другие теоретические модели и методы для дальнейшего объяснения» (*Сэндлер Т. Экономические концепции для общественных наук*. М., 2006. С. 203). См. также: *Шлиссер Э. Экономическая теория и эксперимент: Исаак Ньютон, Милтон Фридмен и Вернон Смит // Вопросы экономики*. 2007. № 3.

⁹ Так, Л. фон Мизесу принадлежит такое утверждение: «Аналитические постоянные зависимости отсутствуют в сфере человеческой деятельности за пределами физической и химической технологии и терапии. Отсюда невозможны никакие измерения» (*Мизес Л. Человеческая деятельность*. М., 2005. С. 55).

¹⁰ *Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений*. М., 2002. С. 30. — В другом месте авторы перечисляют ряд открытий и в гуманитарной сфере, на которые неоклассическая школа не обратила внимание: «...например, на открытие психологов — индивидуальный выбор в условиях неопределенности следует принципам, совершенно отличным от предусмотренных теоремой Байеса и аксиомами полезности фон Неймана–Моргенштерна. Не проявили они интереса к открытиям исследователей поведения организаций, которые показали, что происходящее внутри организаций лишь в первом приближении определяется технологией. Не воспользовались и обильными свидетельствами о процессах принятия решений в организациях, противоречащими идее максимизации» (Там же. С. 502–503).

¹¹ Это тот случай, когда уместно вспомнить такое утверждение М. Поланьи: «...великие теории редко бывают просты в обыденном смысле этого слова. И квантовая физика, и теория относительности очень сложны для понимания; мы запоминаем факты, объясняемые теорией относительности за пару минут, но на то, чтобы овладеть теорией и увидеть эти факты в надлежащем контексте, уходят годы обучения» (Поланьи М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 27).

¹² Особенно если иметь в виду позицию, когда такая «предписывающая методология» опирается на использование общей логики, которая едина для всех наук. А. А. Зиновьев писал: «Не существует и не может быть никакой особой логики для той или иной науки (физики, химии, истории, математики и т. д.), отличной от логики для других наук» (Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 125). Хотя далеко не все исследователи согласны с такой позицией. К примеру, Л. фон Мизес разрабатывал концепцию «полилогизма», отрицающую единообразие логической структуры человеческого разума (Мизес Л. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001. С. 31–32).

¹³ Примечательным симптомом разворота экономической науки по направлению к человеку являются изменения в тематике присуждаемых Нобелевских премий по экономике. Если ранее большинство таких премий присуждалось за исследования взаимосвязей рынков и разработку моделей рационального выбора, то в последние годы лауреатами все чаще становятся ученые, изучающие влияние людей на экономические процессы. Так, Дж. Эйкерлоф, М. Спенс и Дж. Стиглиц (2001) показали изъяны в функции рынка из-за асимметрии информации, которой обладают участники рынка. Д. Канеман, В. Смит (2002 г.) отмечены за использование психологических исследований в экономике, Р. Ауманн и Т. Шеллинг (2004 г.) — за расширение понимания природы конфликта и сотрудничества при помощи теории игр.

¹⁴ Подробнее см.: Рязанов В. Т. Антропологический принцип в экономике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2006. Вып. 1.

¹⁵ В этой связи отметим и такую, казалось бы, довольно необычную позицию, согласно которой роль эталона для современной экономической науки должна перейти к медицине, во всяком случае, с точки зрения поиска возможных для экономики аналогий и метафор (см.: Корнаи Я. Здоровье нации. Размышления об аналогиях между экономикой и медициной // ЭКО. 1987. № 9. С. 150–166).

¹⁶ Согласно утверждению Х.-Г. Гадамера: «Истолкование — это не какой-то отдельный акт, заданный числом и при случае дополняющий понимание; понимание всегда является истолкованием, а это последнее соответственно суть эксплицитная форма понимания» (Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 364).

¹⁷ В этой связи можно привести такое заключение, сформулированное У. Куайном: «Научный метод — это путь к истине, однако он даже в принципе не способен дать единственного определения истины» (Куайн У. Слово и объект. М., 2000. С. 22).

¹⁸ Свообразным отражением такого непрерывного творческого диалога является выдвижение так называемого «герменевтического круга», который трактуется как повторяющаяся структура, где всякая новая интерпретация ссылается на предпонимания и возвращается к ним (см.: Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 317–323). О проблеме (апории) «круга» в познании в контексте относительности получаемого знания см.: Соколов Я. В. Указ. соч. С. 25–27.

¹⁹ В качестве примера интерпретации трудовой теории стоимости см.: Черемисинов Г. А. О толковании трудовой теории стоимости: экономическая герменевтика. Саратов, 1994.

²⁰ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. М., 1993. С. 45.

²¹ Блауг М. Указ. соч. С. 31. — Об этом же пишут и другие авторы. Так, по мнению М. Вайцмана, в экономической науке новые теории появляются вследствие соединения нескольких ранее известных идей или как результат новой формулировки последних, что дает заметное увеличение числа теорий с темпом, который превышает темп экспоненциального роста (цит. по: Куриц Х. Д. Куда идет история экономических учений: медленно двигается в никуда? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2008. Вып. 3. С. 15).

²² Еще в античные времена Аристотель определял риторику как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 19).

²³ «В риторике как особой “культуре готового слова” интересует не орнамент, не украшение, но искусство слова, характер аргументации. Приходит понимание, — пишет Д. Е. Расков, — что не только теория реализует себя в языке, но и сама практика, экономика как таковая осуществляется людьми через слово и не может быть понята вне этого контекста» (Расков Д. Е. Экономическая теория как риторика // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2005. Вып. 3. С. 19).

²⁴ Более подробно см.: Соколов Б. Г. Рецензия герменевтики в России // Между метафизикой и опытом / Под ред. Д. Н. Разеева. СПб., 2001. С. 169–187.

²⁵ Так, архиепископ свт. Кирилл Иерусалимский уже в IV в. поучал: «... самая спасительность веры нашей не на высказанных словах основана, но на доказательствах из Божественных писаний» (цит. по: Симонов В. В. Церковь — общество — хозяйство. М., 2005. С. 28).

²⁶ Или, как пишет П. Рикёр, «став автономным объектом, текст располагается именно на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения» (Рикёр П. Указ. соч. С. 6).

²⁷ Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 19.

²⁸ Хотя можно представить и другой вариант отображения реальности, связанный с отождествлением мышления и языка. Как писал по этому поводу Л. Витгенштейн, «мышление и язык — одно и то же. А именно, мышление есть вид языка» (цит по: Аналитическая философия / Под ред. М. В. Лебедева, А. З. Черняка. М., 2006. С. 129).

²⁹ Такой подход отражает суть корреспондентской теории истины, разрабатываемой, в частности, Б. Расселом. В соответствии с ней истина и ложь — свойства убеждений и утверждений, а потому не относятся непосредственно к материальному миру, который не может включать в себя ни истины, ни лжи (см.: Аналитическая философия. С. 119).

³⁰ О «пользе» как форме проявления истины см.: Рязанов В. Т. Проблема верификации в экономической теории. С. 15; Соколов Я. В. Указ. соч. С. 30.

³¹ «Герменевтика призвана показать, как данные на уровне языка значения слов в процессе речевого использования и понимания конкретизируются и превращаются в смыслы» (Касавин И. Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология & философия науки. 2005. № 4. С. 10).

³² «Если определять науку как совокупность научных знаний, то понятие логики науки, — подчеркивает Л. А. Маркова, — можно через изучение логики языка» (Маркова Л. А. Контекст и слово // Эпистемология & философия науки. 2007. № 4. С. 191).

³³ Кстати, адмиралом А. С. Шишковым по заданию императора Николая I был в создан первый научный толковый словарь о морском деле, в котором автор реализовал свои идеи, используя, по возможности, русские аналоги. При этом с учетом достаточно узкой специализации данной сферы деятельности он не исключал устоявшиеся заимствованные понятия.

³⁴ Приведем такой пример: коренное слово «мир» с общим значением «тишина, спокойствие, согласие, дружба между государствами, народами...» объединяет в русском языке 116 однокоренных слов, каждое из которых отличается оттенками семантики и стилистики.

³⁵ Уже в самом конце XIX в. Словарь используемых в русском языке иностранных слов включал почти 150 тыс. иностранных слов (см.: «Самый полный общедоступный словотолкователь 150 000 и объяснитель 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык» / Составлен Соколовым и Кремером и дополненный С. Н. Алексеевым. М., 1899). Для сравнения отметим, что Словарь великорусского языка В. Даля содержит примерно 200 тыс. слов.

³⁶ Например, в Германии сегодня практически отсутствуют рецензируемые научные экономические журналы на немецком языке. В большинстве своем они перешли на английский язык (см.: Либман А. Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. 2007. № 3).

³⁷ См.: Гачев Г. Д. Слово и смысл. Слово и истина // Философия хозяйства. 2005. С. 139–149.

³⁸ По поводу переводов У. Куайн высказал такую гипотезу: «В бесчисленном множестве случаев они будут различаться в том, что предлагают в качестве соответствующих переводов предложений одного языка предложения другого языка, которые не находятся одно к другому в отношении какой-либо удовлетворительной эквивалентности» (Куайн У. Указ. соч. С. 24). Особенно проблема неопределенности перевода осложняется для неродственных языков и отсутствия общности культуры.

³⁹ По этому поводу самое радикальное мнение принадлежит М. Хайдеггеру, которому приписывается высказывание о том, что философствовать можно только на немецком, ну, в крайнем случае, может быть, еще на греческом языке (Эпистемология & философия науки. 2007. № 4. С. 271).

⁴⁰ Так же как домострой, понятие «хозяйство» и его производные в семантическом (смысловом) отношении более точно отображают природу русского домостроительства. Поэтому «экономика» и «хозяйство», будучи содержательно и терминологически близкими понятиями в современной экономической теории, тем не менее могут различаться (см. об этом: Осипов Ю. М. Курс философии хозяйства. М., 2005. С. 71–89).

⁴¹ О домострое как основе национальной хозяйственной модели России см.: Юдина Т. Н. Институциональные принципы домостроя (идейная основа конституирующей национальной модели хозяйственной системы России X — начала XX вв.). М., 2006. Правда, возникает вопрос о том, насколько саму идею русского домостроительства как самодостаточную оправданно включать в систему координат институционализма.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2008 г.